

Т. Г. СТРОГАНОВА

ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЮЖНОРУССКОГО ВОКАЛИЗМА

Материалы «Атласа русских народных говоров юго-западных областей (Курск—Орел)»¹ свидетельствуют о широком распространении в южновеликорусских говорах всех тех типов предударного вокализма после мягких согласных, которые были описаны уже к началу 20-х годов нашего столетия. В то же время детальное и равномерное обследование говоров на широкой территории их распространения показало, что те сведения о предударном южнорусском вокализме, которыми располагали диалектологи до последнего времени, были в большой степени неполными и не всегда точными.

Опираясь на материалы, собранные для атласа, и составленные на их основе карты, можно сказать, что диссимилятивное яканье, широко распространенное на картографированной территории, представляет собой типичную для этих говоров систему предударного вокализма после мягких согласных. На территории юго-западных областей наблюдатели широко отмечают все известные диалектологии типы диссимилятивного яканья. Однако следует отметить, что в настоящее время довольно редко встречаются говоры, в которых система была бы выражена последовательно без всяких отклонений. В отдельных случаях старую систему диссимилятивного яканья удается обнаружить лишь в результате тщательного анализа материала.

Материалы, собранные для Атласа, показывают, с другой стороны, что территория, занимаемая говорами, у которых предударный вокализм после твердых согласных характеризуется диссимилятивным аканьем, значительно шире, чем это было известно до сих пор. Эти данные таковы, что они позволяют включить диссимилятивное аканье, как и диссимилятивное яканье, в число специфических особенностей южновеликорусских говоров, свойственных значительной их части. На двух приведенных ниже картах показаны границы говоров с диссимилятивным аканьем. Первая карта взята нами из работы проф. И. Г. Голанова², опубликованной в 1914 г. В более поздней работе³ И. Г. Голанов включает в область сплошного распространения диссимилятивного аканья несколько прилежащих уездов Тверской и Смоленской губерний, что лишь незначительно расширяло территорию распространения диссимилятивного аканья. Кроме того, он указывает на несколько селений с диссимилятивным аканьем в Орловской и Курской губерниях.

¹ Работа над данным атласом ведется в настоящее время в секторе истории русского языка и диалектологии Института языкознания АН СССР.

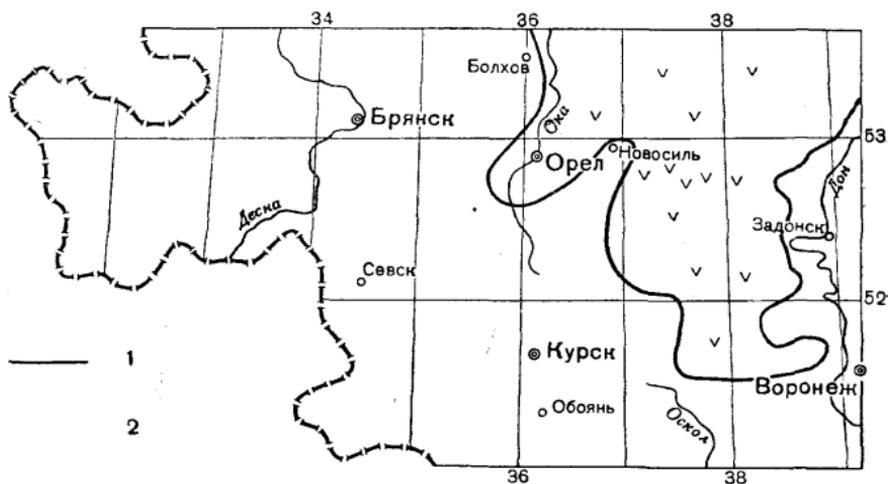
² См. И. Г о л а н о в, О диссимилятивном аканье, «Труды Моск. диалектологич. комиссии», выш. 3, Варшава, 1914.

³ См. е г о ж е, Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья, сб. ОРЯС, т. СІ, № 3, Л., 1928.

Вторая карта составлена на основании материалов, собранных для «Атласа русских народных говоров юго-западных областей». Она свидетельствует о том, что территория почти сплошного распространения дис-

Карта № 1. 1 — граница сплошного распространения диссимлятивного аканья

Карта № 2. 1 — граница говоров с преобладанием диссимлятивного аканья; 2 — единичные говоры с диссимлятивным аканьем

симлятивного аканья проходит значительно дальше на восток и юг, а если учесть и ту территорию, где говоры с диссимлятивным аканьем встречаются спорадически, то окажется, что говоры с недиссимлятивным аканьем наблюдаются только на северо-востоке территории, картографированной в Атласе. Кроме того, следует иметь в виду, что границы распространения диссимлятивного аканья в юго-восточном направлении могут быть окончательно выяснены только после того, как будут собраны и картографированы материалы юго-восточных областей, так как

есть основание предполагать, что диссимилятивное аканье встречается, например, и в южных районах Воронежской области.

Приведенная карта дает возможность сделать и еще одно заключение, а именно, что территория распространения диссимилятивного аканья, в основном, совпадает и с территорией распространения диссимилятивных типов яканья, в связи с чем есть основание считать, что диссимилятивный принцип распространяется в равной мере как на положение после мягких, так и на положение после твердых согласных. Отклонения от этого параллелизма очень незначительны и наблюдаются обычно в тех говорах, которые в большей степени подвергаются воздействию литературного языка. В тех же говорах, где система диссимилятивного яканья выдержана, обычно оказывается возможным установить и систему диссимилятивного аканья.

Чем же можно объяснить, что наблюдатели не отмечали диссимилятивного аканья во многих говорах, в частности в ряде случаев и в тех, где ранее была отмечена система диссимилятивного яканья? Очевидно, это можно объяснить двумя причинами. Качество звука в первом предударном слоге после твердого согласного при диссимилятивном аканье в южновеликорусских говорах может быть различным: в положении перед ударным *a* там обычно произносится звуки пониженно среднего подъема типа *a^b*, *ɛ^a*. Благодаря акустической близости этих звуков к *a* они не всегда воспринимаются наблюдателями как признаки диссимилятивного аканья. Кроме того, следует учитывать, что в современных говорах система диссимилятивного аканья обычно сосуществует на современном уровне их развития с недиссимилятивным. В подавляющем большинстве своем южновеликорусские говоры с диссимилятивным аканьем переживают процесс утраты его. Это ведет к тому, что наряду с звучанием *ɛ*, *ɛ^a*, *a^b* (перед ударным *a*) постоянно произносятся и *a*. При этом в количественном отношении случаи с *a* могут преобладать, что и может приводить в ряде случаев к заключению об отсутствии диссимилятивного аканья.

Н. Ван-Вейк объясняет большее географическое распространение яканья по сравнению с аканьем тем, что положение после мягких согласных более удобно для реализации принципа диссимиляции, так как нюансы звуков от *a* до *e* после мягких согласных легче могут быть использованы для дифференцирования, чем от *a* до *ɛ^a* после твердых согласных¹.

Как известно, на территории, занимаемой южновеликорусскими говорами, отмечены различные типы диссимилятивного яканья: обоянский, цигровский, суджанский, донской и жиздринский. При этом после твердых согласных в литературе был отмечен до настоящего времени только один тип диссимилятивного аканья, при котором условия реализации диссимилятивного принципа тождественны жиздринскому типу яканья, а именно произносятся параллельно: *с'истр'а*, *с'астр'б'й*, *с'астр'ь*, *с'астр'у*, *с'астр'э*... также и *вэд'а*, *вад'б'й*, *вад'ь*, *вад'э*. Правда, в литературе были указания на некоторые разновидности диссимилятивного аканья, но эти указания не связывались с различными вариантами в осуществлении принципа диссимилятивности, а касались того, какой именно гласный реально звучит в первом предударном слоге после твердого согласного²: произносятся ли в этом положении звуки типа *ы* (*ɨ^a*, *ы^b*), типа *ə* (*ɛ^a*, *ɛ^b*), или звуки с заметной лабиализацией типа *o* или *y* (*ɔ^a*, *o^b*, *ɔ^b*), или, наконец, звуки пониженно среднего образования (*a^b*, *ɛ^a*). Заметим попутно, что в говорах, где характер диссимиляции гласных неверхнего подъема в положении после твердых и после мягких сог-

¹ N. van Wijk, Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Iakanje, «Slavia», XIII, seš. 4, 1934—1935, стр. 658—659.

² См. об этом Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I, М., 1949, §§ 47—51 (стр. 65—67).

ласных одинаков (т. е. в тех говорах, где наблюдается жиздринский тип яканья), наиболее распространено произношение перед ударенным *a* звуков типа *ы*.

Однако новые диалектные данные позволяют выявить и иную разновидность диссимильативного аканья, в той же мере основанную на разном осуществлении принципа диссимильации, как и различные типы яканья, в связи с чем можно, как кажется, высказать предположение о существовании нескольких типов диссимильативного аканья. Эти типы намечаются в зависимости от разного воздействия на гласные первого предударного слога после твердых согласных различных ударяемых гласных помимо *a*. Речь идет о появлении *э* не только перед *a*, но и перед *o* и *e* определенного происхождения.

Правда, при рассмотрении подобного вопроса современный наблюдатель оказывается в весьма невыгодном положении, так как имеет дело с явлениями, уже подвергшимися в значительной степени нивелировке. Тем не менее по имеющимся материалам с полной очевидностью оказывается возможным проследить в системе диссимильативного аканья связь не только с жиздринским типом яканья, но и с обоянским. При этом важно подчеркнуть полную определенность и надежность материалов, позволяющих нам говорить о существовании особого типа диссимильативного аканья, полностью соответствующего обоянскому типу яканья и встречающегося в говорах с этим последним типом яканья.

Ниже мы подвергаем анализу материал, иллюстрирующий эти соотношения и наличие определенного типа диссимильативного аканья; он был собран летом 1953 г. (Т. Строганова, М. Преображенская, Б. Шварцкопф) и летом 1954 г. (Т. Строганова, И. Кузьмина) в 16 населенных пунктах Белгородской и Воронежской областей.

Первоначально соответствующий материал оказался в нашем распоряжении в результате изучения говоров селений соседних между собой районов Курской области¹: с. Теплый колодезь (Старо-Оскольский р-н), с. Прилены (Чернавский р-н), с. Оскольское и с. Осколец (Боброво-Дворский р-н).

Было замечено, что при наличии во всех этих селениях системы обоянского яканья после твердых согласных произношение редуцированного *э* встречается не только перед ударенным *a* (в этом случае данный звук слышался почти постоянно), но также в некоторых случаях перед ударенными *o*, *e*.

Необходимо отметить, что этот первоначальный вывод был сделан на основе небольшого количества наблюдений, так как исследователи не осознавали еще необходимости собрать достаточное количество примеров на произношение гласных перед ударенными *o* и *e* разного происхождения (сказывался навывк при изучении диссимильативного аканья обращать внимание только на предударный слог перед ударенным *a*). Примеры с *э* перед *o* и *e* беспорядочно чередовались, на первый взгляд, с примерами, где перед *o* и *e* отражался звук *a* полного образования. При этом появление *э* или *a* перед *o*, *e*, казалось, не отражало определенной системы вокализма, а могло быть связано с колебанием между диссимильативным и недиссимильативным аканьем, обычным в современных говорах.

Однако в ходе дальнейшей работы над этим небольшим по объему материалом оказалось возможным допустить определенную закономерность в появлении *э* или *a* перед ударенными *o*, *e* в зависимости от качества самих этих звуков под ударением, а именно ту же закономерность, на основании

¹ С 1954 г. эти районы вошли в состав вновь образованной Белгородской области.

которой после мягких согласных перед этими же ударенными гласными отмечалось произношение звуков *и* или *а*.

В частности, было замечено, что перед *о*, не имевшим исторически восходящего ударения, и *о* из *ъ* (и из *е*, *ь*) встречается произношение *ъ*: *бъл'ной* (муж. род), *бъл'бка*, *прибъл'ной*¹ (муж. род), *стблбч'ик*, но и: *над ѳорабѣм*, *акбшк'и*, *вас'мбѣ*, *мбладбѣ* (муж. род), *паѳбды*, *бал'шбѣ*, *платкбм* (с. Теплый Колодезь); *ббл'шбѣ*, *пбздбкшкбм*, *плбхбѣ*, *пбшбл*, *нбшбл*, *кбз'бшнбѣ*, *хблбдбч'ик*, *тбкбѣ*, но и: *бал'шбѣ*, *зат'в'бл* (с. Оскольское); *у кбз'б* (с. Осколец); *ббл'шбѣ* (муж. род) и *бал'шбѣ* (муж. род; с. Прилепы).

Между тем перед *о* (исторически имевшим восходящее ударение) отмечалось только произношение звука *а*: *кар'уба*, *харагш'б*, *скарб'еа*, *ѳадбѣ*, *дамбѣ*, но *раб'убтала*, *здар'убвайа*, *дамнб*, *мал'убжа*, *зв'убраб'бѣ*, *хар'убмы*, *дварбѣ*, *калбд'ис'*, *сал'убмай* (с. Теплый Колодезь); *патблшз*, *кар'уба*, *харагш'б*, *п'ат' пал'убтншшзшз*, *ѳадбѣ*, *залбк'и*, *раб'та*, *хбрашб* (с. Оскольское); *кбл'калбѣ* (с. Осколец); *у бол'убта*, *сал'убма*, *дамнб*, *раб'тайа* (с. Прилепы).

Летом 1954 г. экспедиционной группе удалось побывать в нескольких селениях смежных районов, причем было поставлено две задачи: провести проверку ранее собранных для Атласа материалов по предударному вокализму и проверку собственных наблюдений 1953 года. В результате тип *аканья*, при котором зависимость качества предударных гласных после твердых согласных та же, что и после мягких, т. е. определяющаяся различием под ударением определенных гласных, был отмечен наиболее последовательно в следующих районах: в Корочанском районе (с. Заячье), в Ново-Оскольском (с. Большая Яруга и с. Проточное), в Уголовском (с. Расховец и Заломное), в Острогжском (с. Веретье) — Белгородской области и в Задонском (с. В. Колыбелька) — Воронежской области. Кроме того, единичные примеры, указывающие на этот тип предударного вокализма после твердых согласных, отмечены в Прохоровском р-не (с. Красное), Корочанском р-не (с. Поповка), в Больше-Троицком (с. Белый Колодезь), в Чернянском р-не (д. Баклановка) — Белгородской области и в Задонском р-не (с. Б. Верейка) — Воронежской области.

Прежде чем приводить соответствующий материал, подтверждающий выдвигаемое положение, еще раз укажем, что во всех перечисленных населенных пунктах представлена в целом хорошо сохранившаяся система обоянского *яканья*. В этих говорах в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема произносятся: перед ударенными *á*, *'á*, *б* (из *о*, *ъ*) и *é* (из *е*, *ь*) — звук верхнего подъема *и*, а перед ударенным *б* (из *о* под восходящим ударением), *é* (из старого *ъ*), *ы*, *й*, *у* — звук нижнего подъема — *а*. (См. материалы, хранящиеся в секторе истории русского языка и диалектологии Института языкознания АН СССР, под следующими номерами: 343, 345, 420, 477, 499, 513, 517, 518, 533, 534, 537, 540.) Кроме того, подчеркнем, что обоянский тип диссимилятивного *яканья* представлен в этих говорах при определенной системе различения гласных под ударением.

Материалы, полученные при изучении говоров с этим типом предударного вокализма, в отношении характера ударенных гласных подтверждают мнение о том, что обоянское *яканье*, построенное на различии ударенных *б* и *б̄*, *é* и *е*, находится в зависимости от современного звучания этих гласных, определяющегося их разным происхождением. То обстоятельство, что многие диалектологи в свое время не слышали этого различия в наблюдаемых ими говорах с обоянским *яканьем*, а также общая скудость материалов по южновеликорусским говорам сделали возможным мнение

¹ О качестве звуков *о* и *е* под ударением см. ниже.

о существовании обоянской системы яканья при совпадении под ударением двух *o* и *e* разного происхождения как застывшей мертвой модели.

В настоящее время диалектология располагает достаточными материалами по говорам, в которых система предударного вокализма строится на реальных различиях в звучании *o* и *e* разного происхождения под ударением. Во всех тех говорах, где мы отмечали систему обоянского яканья, под ударением мы слышали отчетливо противопоставленные по характеру звучания два различных по образованию звука *o* и *e*. Наши впечатления об этих звуках в общем одинаковы по всем указанным говорам и сводятся к следующему: звук *o* (из *ъ* или *o* под нисходящим ударением, а также на месте *e* и *ь*) по сравнению с *o* литературного языка однороден на всем протяжении артикуляции, является звуком пониженно среднего подъема, отчего провозводит впечатление несколько делабиализованного звука (*o* в транскрипции этот звук обозначается \bar{o} или \bar{o} , если эти признаки менее отчетливы).

Звук *o* (из *o* под восходящим ударением) — повышенно среднего или среднего подъема, лабиализованный, неоднородный на протяжении артикуляции, с более верхней артикуляцией в начале (обозначается в записях как \bar{o} , хотя выделение *y* в самостоятельный знак означает только наличие более верхней артикуляции в начале произношения). Степень неоднородности артикуляции \bar{o} колеблется от почти тождественной *o* литературного языка (в этом случае оно трудно уловимо на слух) до дифтонгического звучания.

В особых условиях, при выделении ударенного слога или слова во фразе, *o* в этих говорах может иметь дифтонгическое звучание, причем *o* неоднородное при этом усиливает свою неоднородность, его начальный элемент опутительно слышится в виде звука верхнего подъема *y*; в результате появляется дифтонг \bar{yo} . На месте второго *o* при аналогичных условиях слышится или *o* однородное, но более длительное (\bar{o}), или дифтонг \bar{oy} .

Аналогичные противопоставления наблюдаются и на месте звуков *e* разного происхождения (*e* из *e* и *ь* и *e* из *ѣ*), хотя противопоставление двух *o* более выразительно. Звук *e* (из *e* и *ь*) — переднего ряда, образуется при пониженно среднем подъеме языка и является звуком однородной артикуляции (обозначается в записях — \bar{e})¹; звук *e* (из *ѣ*) — переднего ряда, повышенно среднего подъема и имеет в начале артикуляции элемент звука *i* [обозначен в записях как \bar{e} , хотя наличие *i* (как и *y* при \bar{o}) означает лишь более высокий подъем в начале артикуляции, ее неоднородность.] При благоприятных условиях звуки \bar{e} и \bar{e} (так же, как \bar{o} и \bar{o}) могут звучать протянуто, как \bar{ie} и \bar{e} или дифтонг \bar{ei} .

Таким образом, в указанных говорах смысловозначительными парами являются звуки \bar{o} , \bar{e} и \bar{o} , \bar{e} , дифтонгические же пары \bar{yo} — \bar{ie} и \bar{oy} — \bar{ei} являются для данных говоров звучаниями факультативными, возникающими в особых речевых условиях.

Необходимо отметить, что в отдельных случаях даже новые слова, проникающие в говор из литературного языка, не знаящего различного произношения ударенных *o* и *e* в зависимости от их происхождения, распадаются на две категории: одни входят в систему говора со звучанием, соответствующим звучанию *o* исторически под восходящим ударением; другие — под модель *o* (открытого). При этом следует заметить, что, как

¹ Очевидно, в связи с природой звучания подобного *e*, не имеющего в начале артикуляции звука элемента верхнего подъема, находятся те случаи, когда перед этим *e* парные мягкие согласные звучат твердо или полутвердо: $\bar{n}e'$ была, $\bar{d}e'$ рѣчан'ец, $\bar{d}ir'$ и $\bar{e}e'$ иш'иш'иша и т. п.

правило, звучание *ʷo* отмечается в словах, имеющих ударенное *o* не в первом слоге слова: *паймидʷ'бры*, *калхʷбз'н'ик* (с. Проточное), *картʷбишка*, *сталʷбшка*, тогда как в первом слоге слова чаще встречается звучание *o* открытого: *бч'ир'ит'* (с. Теплый Колодезь), *мбды* (с. Оскольское), *пэ пбизду*, *тбрмэс* (с. Веретье), *мбда* (с. Проточное).

Как различение двух *o* и двух *e* под ударением, так и реализация соответствующих типов яканья, построенных на этом различении, несоответствительны в современных говорах, о чем свидетельствуют соответствующие отклонения; тем не менее можно и в настоящее время сказать, что мы имеем дело с говорами, у которых система предударного вокализма после твердых и после мягких согласных находится в зависимости от системы ударенного вокализма и складывается в целом по диссимилятивному принципу. При этом звуки *o* и *e* (ударенные) как звуки пониженно среднего подъема действуют на качество предударного гласного так же, как и гласный нижнего подъема — *a* (перед ударенными *б*, *с*, как перед *a*, отмечается в предударном слоге *и*, *э*); звуки *ʷo*, *ʷe* объединяются с гласными верхнего подъема и перед ними (как и перед *и*, *ы*, *у*) в предударном слоге отмечаются звуки нижнего подъема — *a*, *'a*.

Ниже мы приводим полностью материал по предударному вокализму после твердых согласных тех говоров, где отмечается более или менее последовательно указанный параллелизм предударного вокализма после твердых и мягких согласных, поддерживаемый охарактеризованной выше системой ударенного вокализма:

(№ 499) с. Заячье (Корочанский р-н, Белгородская обл.). Перед ударенным *a*: *пэмз'ал*, *стрэд'айу*, *мэйá*, *кэдá*, *тэкáйа*, *мэлэч'ка*, *нэ стэлбáх*, *кэцáны*, *дэбáшт'а*, *зэмáшк'и*, *н'ихт'á*, *зэмáзэл'и*, *снэжá*, *на к'илэ'рáму*, *члэзá*, *рч'á*, *стрэдáл'и*, *пэнáшим*, *пэчл'ад'áм*, *звэвн'áйа*, *нэ пэсáтку*, *н'и лэжáтца*, *пэл'ánэч'ка*, *пэжáрнэй*, *кэмáнда*, *сэмá*, *нэжáр'ил'и*, *астэвáл'ис'* и т. д.; *такáйа*;

перед ударенным *б* (из *o* под восходящим ударением): *ис Карб'и*, *харб'шыйи*, *вадб'и*, *нач'б'и*, *нэ работу*, *нэ работ'и*, *ис кантбр'а*, *марб'зу*, *нэ чарб'дэж*, *сарб'кэвскаяя*, *дамб'и*, *салб'мэй*, *вадб'иу*, *карб'ш*, *тарч'бэв'яа*, *карб'ва*, *дарб'ча*;

перед ударенным *б* (из *o* или *э*): *пэшбáл*, *ис пэт Прбхэрэвк'и*, *мэскб'ик'и*, *бэл'шб'ой* (муж. род), *пэтстэлб'ом*, *зэ стэлб'ом*, *мэлэч'кб'ом*, *ни пэшбáл*, *плэткб'ом*, *кэнб'пл'и*, *вэстб'ок*, *кэкб'ой*, *штэбр'ой*, *плэхб'ой*, *ниднэч'б*, *дэврэч'б'ой*, *тэкб'ой*, *мэлэдб'ой*, *плэтб'ок*, *кэкб'ойта*, *кэкб'ой*, *пэтстэлб'ом*, *кэц'нб'ом*, *пэшбáл*; *мэладб'ой* (муж. род);

перед ударенным *é* ('*o*): *пэд'эм*, *пэд'э*, *кэд'эм*, *пэмн'эм*, *ни взэ'м'эм*, *пэлэш'энцэм*, *пэдэ'ткн'эм*, *лэпт'эй*, *пэд'эт'а*, *скэм'ейк'у*, *ни сэчн'эм*, *лэшид'эй*, *Мэтр'бна*, *рэстр'бнку*, *пэн'ова*, *мэлэд'бши*, *зав'эм*;

перед ударенным *é* (из *ʷ*): *пэраз'йэхэл'ис'*, *пайэхэла*, *ц'илав'эка*, *праб'эл'им*, *нас'эв*, с *Маскв'э*, *пэ вад'э*, *пайэхэла*;

перед ударенными гласными верхнего подъема *й* (*ы*), *й'*: *какл'ушкэм'и*, *крас'йэв'и*, *хэлэтич'у*, *сад'ы*, *вад'ы*, *ни хад'й'ла*, *пал'й'ш*, *вайны*, *зл'и бал'шыз*, *н'и стэнав'ис'а*, *халсты*, с *нач'й*, *нач'й'яа*, *кас'ы*, *ман'йста*, *пэтанч'й'яа*; *дв'е кэсы*.

(№ 517) Большая Яруга (Ново-Оскольский р-н, Белгородская область).

Перед ударенным *á*: *стэйáла*, *сэмá*, *бэл'шáйа*, *кэкáйа*, *тэкáйа*, *прэ сэбáж*, *сэбáка*, *пэсэбá'ат'*, *кэкáйа*, *хэз'áина*, *сэжáл'и*, *стэйáл'и*, *стэйáл*, *сэмá*, *вэдá*, *пэн'áтнэ*, *лэпáта*, *нэ бэзáр*, *пэмэчáйут'*, *тэкáйа*, *дэвркá*, *нэ сэбáку*, *зэстэвá'áйут'*, *мэйá*, *тэдá*, *дэвáл'и*, *чэ'р'áч'й'й*, *пэп'рáв'ила*, *скэ'р'áй*, *скэзáл'и*; *какáйа*, *вадá*, *начá*, *зав'áл'и*, *л'исавáйа*, *кэнапл'áм'и*, *нар'áт*;

пэмэл'эн'ич'ку, зэцёркву, вэз'м'ё, пэд'ё, прэйд'ё, пэд'эмт'а; у пан'ёв'и, нэ кварт'ёр'и;

перед ударенным *é* (из *ъ*): нэдайёла, двар'ё, чар'ёл'и, ч'илав'ёк, из Маскв'ё, пайёхэл'и, устар'чёл'и, пэбал'ёл, учар'ёл'и;

перед ударенными гласными верхнего подъема *й* (*ы*), *й*: пэсаб'йт', маçу, лав'й, карм'йт', вайнй, байёс', нэстэнав'йл, б'иднатй, хваруёу, у 14 çаду, прас'йт'ил'на, абухажа.

(№ 534) с. Заломное (Уколовский р-н, Белгородская обл.).

Перед ударенным *á*: снэхá, рэд'áтца, çлэзám'и, бэйáр'ина. рэзрэстáйутца, кэтáйутца, рэскзэáт', бэйкá, скзэáл, прэйлá, хвэáт'и. Кэндрáт'иш'ич', кэáйá, сэмá, Мэсквá, бэáры, пэнч'áм, нэ дэвэрáм, сэбáкэм, пэáл'и, рэжáйут'; пэпрáдáл'и;

перед ударенным *ó* (из *о* под восходящим ударением): саруóк'и, саруóка, на тпруóицу, нэ рабуóту, палуóш, рабуóтайут', к мэладóй, парóйу, з'авóр, дварóш, з'атóв'а, дарóику;

перед ударенным *ó* (из *о* и *э*): дэжжéш, тэжéй, пэйóл, Мэскóшк'и, бэ'шóй, пэсóхла, скэóлм, нэ кóрм;

перед ударенным *é* (*о*): рэс'т'ё, вэз'м'ё, пэм'ёр'и, пэд'эм, мэхн'ё, пэн'бвы, дэ'óка, пэн'бва, пэн'бву, у пэн'бву, зэ'ч'óный;

перед ударенным *é* (из *ъ*): нэ пас'чеш, нан'ёйс'и, пас'н'ёла, пас'чёила, óл'и пат'эх'и;

перед ударенными гласными верхнего подъема *й* (*ы*), *й*: н'икал'й, кэнап'и, б'изнаç'й, çаду, нэ машын'а, халст'йн'а, кармы.

(№ 540) с. Веретье (Острогожский р-н, Воронежская область).

Перед ударенным *á*: сэрáй, рэжáт', пэйлá, стэйáл'и, вэд'áнка, хвэ'áйка, дэйлá, склэдáла, тэáйá, пэслáл'и, хвэ'áин, ни мэçлá, пэд'áмáг, стэйáл'и, пэ'áмáжыс'с'и; зэбал'á, хаз'áин, маçлá, скар'áй, ламáт', çан'áя'и, мэладáйá, вайнá, пэдн'áтца, н'и сказáл;

перед ударенным *ó* (из *о* под восходящим ударением): дарóу, н'ч'илавóды, байóш, пэдвóды, рабуóтáл, патóл, рабуóтáт', 2 карóвы, панóс, йиравóй рэжы, сталóшкá, рабуóтал, касóйу, малóшжá, далóй, нарóду, дарóçа, у Варóн'ижы;

перед ударенным *ó* (из *о* и *э*): кэртóх'и, пэлóшжыла, аднэçó, кэ'лóзныи, нэ кэртóшк'и, бэ'л'нóй (муж. род), дэмóч'к'и, пэлóшжым, вэ'л'цóшк'и, у кэ'лóз'а, пэ'л'óда, вэстóж, дэстóшный, кэртóшк'и, нэ тóрмэс, у кэртóх'и, тэçó, пэжóл, пэлóшжыла, пэтпóлçгэм, пэпóизду, пэпóизду, аднэçó, кэ'лóзныи, нэ картóшк'и; на Дóн, вас'мóч'и (муж. род), йиравóй (муж. род);

перед ударенным *é* (*о*): пэд'эм, бэйёц, вэйёныи, пэд'эмт'а, нидэ'л'бá, сэл'бнуёу, вэйённый, бэйёц, вэйённых, скэнэп'ёй, ни вэз'м'ёш, вэ'л'цóшк'и, н'и дэ'л'бá, сэл'бнуёу; кан'ёц, вдав'ёц;

перед ударенным *é* (из *ъ*): аб'ч'ёдал'и, зэбал'ч'ёт', зэбал'ч'ёла, пайёхэла, зэбал'ёла, на хл'ч'еп, зэбал'ёт';

перед ударенным *й* (*ы*), *й*: нэ бак'у, байçы, маçл'й, пэкарм'йт', нас'й'л'и, вады, вад'йцы, пашл'й, бр'иçад'йрэм, в'исашищэш, вайнй, Вэрашылэш, праил'й, аслэбад'й'л'и.

(№ 518) с. Белый Колодезь (Больше-Троицкий р-н, Белгородская область).

Перед ударенным *á*: зэ'лэ'тáйá, снэхá, сэбрáл'и, нэ Дэнбáс'и, мэйá, бэ'лáкэйт', Тэт'áйна, пэкá, у мэ'лэ'кá, пэйлá, хвэ'áин, брэсáйна, скэ'тá, кэзáла, сэмá, вэйнá; у çлазá, у сэрэ'хáнах;

перед ударенным *ó* (из *о* под восходящим ударением): с рабуóт'а, карóш, дарóçа, патсóлнух, раштóб, марóс, карóва, харóшжéя, Карóч'инскéй, сталóш;

перед ударенным *ó* (из *о и ъ*): *тѣбѣй* (муж. род), *мѣлѣдѣй* (муж. род), *дѣжжѣкѣ*, *плѣтѣцѣй*; *дамѣкѣ*, *какѣй* (муж. род), *плахѣй*; *ухѣладѣй* *кѣ*, *патѣблѣух*;

перед ударенным *é* ('*о*): *пѣд'ѣмт'а*, *рѣв'ѣс'н'ик'и*, *пѣд'ѣм*; *пат'ѣпл'и*, *саг'н'ѣтца*, *пѣпад'ѣм*, *пѣзав'ѣт'ь*, *пашл'ѣ*;

перед ударенным *é* (из *ъ*): *у мисайѣт'*, *у с'ил'сав'ѣт'*, *нѣ вайн'ѣ*, *прайѣхала*;

перед ударенными *ý* (*ы*), *ý*: *н'и хажý*, *пал'ý*, *гýлавы*, *у бал'н'ýцу*, *дажýт'*, *гýрацк'ýи*, *дварý*, *пач'ýп*, *кѣнапл'ý*, *снах'ý*, *Сухарýкѣв*, *выврас'л'и*, *кар'м'ýт'*, *никѣл'ý*.

(№ 343) с. Верхняя Колыбелька (Задонский р-н, Воронежская область).

Перед ударенным *á*: *пѣжáрн'ик*, *бѣг'áтым*, *пѣмѣг'áйа*, *зѣмáшк'и*, *стáйá*, *мѣлѣкá*, *зѣкáпывѣл'и*, *гѣвѣр'áт'*, *абмѣрáла*, *нѣ бѣзáр*, *плѣхáйа*, *с рѣгáм'и*, *гѣлѣвá*, *давáйут'*;

перед ударенным *ó* (из *ó* под восходящим ударением): *хѣладнѣ*, *хар'óбшай*, *раб'óбтайа*, *давн'óа*, *хар'óбшыи*, *на пѣтал'óбк'и*, *нав'óдс*, *с раб'óт'и*, *хар'óбшайа*;

перед ударенным *ó* (из *о и ъ*): *мѣлѣкѣм*, *кѣртѣшка*, *дѣжѣй* *кѣ*, *Зѣдѣнскѣ*, *мѣлѣдѣй* (муж. род), *с мѣлѣкѣм*, *н'ивѣзмѣжнѣ*, *плѣтѣк*, *кѣкѣшн'и* *к'и*, *н'ибѣл'шѣй* (муж. род).

перед ударенным *é* ('*о*): *пѣмѣг'н'ѣт'*, *пѣд'ѣм*, *пѣдѣм*, *пѣзѣвѣм*, *прѣй-д'ѣт'*, *пѣд'ѣм*, *сѣш'ѣш*, *пѣ дл'ѣц*, *пѣшл'ѣм*, *мѣлѣд'ѣш*, *с пѣд'ýбму*, *дѣл'ѣка*, *нѣспас'ѣс'с'и*, *ваднѣй*;

перед ударенными *é* (из *ъ*): *пас'чѣила*, *саб'ѣ*, *избал'чѣла*, *пайѣхэт'*, *ч'илав'ѣк*;

перед ударенными *ý* (*ы*), *ý*: *пач'ýп*, *пр'иваз'ýл'и*, *нѣ вайн'ý*.

Схематически единство системы предударного вокализма после твердых и мягких согласных в этих говорах можно изобразить так:

Под ударением:	В 1-м предударном слове после мягких согласных:	В 1-м предударном слове после твердых согласных:
<i>a</i>	<i>и</i>	<i>ъ</i>
<i>ó</i>	<i>и</i>	<i>ъ</i>
<i>vo</i>	<i>'a</i>	<i>a</i>
<i>y</i>	<i>'a</i>	<i>a</i>
<i>ы(и)</i>	<i>'a</i>	<i>a</i>
<i>é</i>	<i>и</i>	<i>ъ</i>
<i>иe</i>	<i>'a</i>	<i>a</i>

Как говорилось выше, на территории, занятой современными южновеликорусскими говорами, диалектологи отмечают большое разнообразие типов предударного вокализма после мягких согласных, в основе которых лежит диссимильативный принцип. После твердых согласных, как показывает приведенный в настоящей заметке материал, имеется возможность выявить два типа диссимильативного аканья: один, параллельный обоянскому типу яканья, другой — жиздринскому.

Дальнейшее изучение предударного вокализма покажет, существуют ли в пределах южновеликорусских говоров соответствия предударного вокализма после твердых и мягких согласных при других типах яканья. Некоторые основания для подобного предположения имеются.